

Мы сидим с Григоряном за длинным столом в просторной комнате без окон — бывшей мастерской скульптора. Дверь ее ведет прямо на улицу. Зима. На улице, перед дверью, присыпанная снежком, лежит лицом вверх бородастая голова то ли мудреца, то ли героя, изваянная из

гипса. Скульптор давно съехал. Это помещение на севере Москвы, на Часовой улице — вообще-то, три четверти его занимает теплоцентр — вот уже несколько лет как приватизировано Григоряном и превращено в нечто, что не имеет точного названия. Мы пьем кофе из кружек и говорим.

Рок-н-ролл — исчезающее явление. Армен Григорян знает это лучше, чем кто бы то ни было

Назначение помещения, в котором происходят наши беседы, определить трудно. Возможно, эта комната с длинным столом — офис, где Григорян принимает посетителей? Но какой же, к черту, может быть офис у героя рок-н-ролла, написавшего «Маленькую девочку с глазами волчицы»? Герои рок-н-ролла — не нефтяные короли и не чиновники, они не сидят в офисах. На столе валяется старый номер журнала «Забригский поинт», тесной группой стоят пустые бутылки. Это студия? Да, это студия — в соседней комнате мик-

разговоре проживают их. Он может вдруг хлопнуть ладонями по столу или выругаться, но во всем этом нет ни агрессии, ни позы. В этом человеке — я общаюсь с ним не первый раз — есть природное чувство меры: он свободен, но не разнуздан, легок, но непохож на флюгер. Иногда в разговоре он патетичен, но по какому-то закону соответствия его патетика тут же уравновешивается каким-нибудь внезапным явлением внешнего мира. Вот только мы затеем с ним разговор о жизни и смерти, тут же явится маленький бормочу-

шой багаж музыки и попадать в хит-парады и быть одной из лучших групп России. Я об этом не думал. Двери открывались сами по себе. Это была игра — большая игра, которая затем превратилась в жизнь.

— Рок-н-ролл изначально был неотделим от выпивки и наркотиков. Двенадцать бутылок портвейна, потом музыка, после музыки опять двенадцать бутылок — обычное дело. С тех пор прошло много лет. Герои рок-н-ролла превратились в спокойных, уравновешенных, жирком покрытых людей. Рок-н-ролл может существовать в трезвом состоянии полной безопасности?

— Когда пишешь музыку, ты ограничен рамками, которые существуют у тебя в голове. Люди пытаются эти рамки раздвинуть. Иногда это достигается с помощью тех средств, о которых ты сказал. Да, в рок-н-ролле ты должен все это испытать. Поставить себя на грань. Завести себя в тупик.

ПОСЛЕДНИЙ

«Иногда я вижу странные отрывки снов. А что такое сны? Это маленькие осколки смерти. Смерть вдохновляет», — говорит лидер группы «Крематорий» Армен ГРИГОРЯН

шерный пульт, компьютер, у стены виолончель и гитары. Но и на место работы, где люди проводят время от сих до сих, помещение непохоже — тут слишком много живых и странных деталей. На антресолях кровать. На двери туалета картинка Березовского с надписью: «Разыскивается!» На стене висят десятки открывалок для бутылок. Григорян подходит к своей коллекции и говорит мне с наивной гордостью мальчишки, собирающего стеклышки и камешки: «А ты видел, что у меня есть?»

Сам он называет этот дом, снабженный сложным из красного кирпича камином и трубой, крематорием. Это его личный, удобный, уютный крематорий, в котором он пишет музыку, записывает альбомы и выпивает с друзьями. В сумрачном воздухе этого крематория витают призрачные тени тех, кто ушел, но не ушел. Тут легко представить себе Майку. Тут вспоминаешь о кочегарке Цоя. Тут легко дышать. Здесь рок-н-ролл жив.

Григорян в цветастом свитере и голубых джинсах. От него исходит ощущение уравновешенной, обретшей точку опоры свободы. Он говорит с увлечением человека, который не произносит раз и навсегда понятые вещи, а в

щий мужичок и с грохотом поволочет к двери гигантских размеров сумку с сотней пустых пивных бутылок.

— Это наш дворник! — доходчиво объясняет мне Григорян, записавший, кстати, когда-то альбом «Винные мемуары». — Пришел за добычей.

И мы продолжаем наши рок-н-рольные беседы.

— Армен, о рок-н-ролле за последние тридцать лет произнесены миллионы слов. Иногда кажется, что в этом потоке слов исчезает что-то главное. Рок-н-ролл, он вообще был? Или это миф, который придумали себе молодые люди Джон Леннон и Пол Маккартни?

— Для меня он был. Для меня рок-н-ролл существовал как образ жизни. В школе мы слушали западный рок — плохие записи, плохие картинки. Мы были далеки от него, восприятие не шло напрямую. Оно дополнялось фантазией. И появилось желание жить в этой фантазии. То есть сделать ее реальностью.

Мы жили тогда в совсем другой стране, с совсем другими правилами поведения в социуме. Рок-н-ролл вошел в этот социум. Это была дорожка, которая могла тебя сделать — не побоюсь этого слова — личностью. В том закрытом обществе ты мог выражать свое мнение открыто именно таким способом — с помощью рок-н-ролла.

— Что означало тогда быть человеком рок-н-ролла?

— Это был прежде всего пассивный протест против чего-то общего. Против толпы. Лицо толпы — оно безлико. Как можно выделиться из толпы? Выделиться можно было поведением, нестандартной одеждой, длинными волосами. Я был хиппи, и то время я вспоминаю с большим удовольствием. Но оно давно прошло.

Сейчас у меня есть друзья, которые до сих пор хиппи. Когда я встречаюсь с ними, мне становится смешно. Это люди, которые выросли, но остались в люльке. Как дебилы.

Я не ставил себе задачу стать рок-н-рольщиком. Просто жил ежедневно и пытался что-то сделать. Не ставил себе задачу: группа «Крематорий» должна накопить к началу двадцать первого века боль-

Чтобы понять, что это за состояние. Чтоб об этом потом написать.

Я это прошел, но в конце концов для меня наркотиком оказалась сама музыка. Если бы ее не было, я бы, возможно, спился. Я бы превратился в то, во что превратились многие мои друзья: вроде он есть, а вроде его и нет. Он уже весь, как растение. И говорить с ним не о чем.

В жизни есть король и есть свита. Сам в себе ты король. Ты свое государство строишь. Но есть свита и есть окружающий мир. Чтобы познать мир, нужно прибегать к каким-то средствам. Муравей никогда не переплывет океан. Для этого нужны пароходы. То, о чем ты говоришь — выпивка и наркотики, — это были механизмы, которые помогали пересекать расстояния и пространства.

Собутыльная жизнь, сопровождаемая концертами на квартирах — пьянка и песня, — для меня давно закончилась. Когда появилась сцена, мы ввели правило, что пьяными на сцену выходить нельзя. Если футбольная команда выходит на поле и вратарь пьяный, то это не футбол. Это издевательство. То же самое — концерт.

— «Крематорий» никогда не был в первых рядах чего бы то ни было. Он всегда был немного на отшибе, всегда сам по себе. Как это сочетается с тем, что называется на языке шоу-бизнеса «продвижением»?

— Это сознательный выбор. Тот уровень телевидения, который существует на сегодняшний день, тот уровень шоу-бизнеса, который мне предлагает окружающая среда, меня не устраивает. Я никогда никому ничего ни за какое продвижение не платил и платить не буду. Примеров много. Например, мы сняли неплохой клип, и он занял на одном из конкурсов первое место, а на ТВ постоянно, до оскомины, крутят клип, который занял на том же конкурсе последнее место, а нам говорят: вы знаете, есть плей-лист, ознакомьтесь. Вот это стоит столько-то, это стоит столько-то... ИДИТЕ НА Х...! (Извини за выражение.) Все.

Это как в кино. Мы хотим, чтобы люди смотрели наши картины. Вот при-

Армен Григорян: «Крематорий» — это большая игра, которая превратилась в жизнь

Ксения БОНДАРЕВА